

TITLE:

Кыпчаки - кто они?

AUTHOR(S):

Тугушева, Л. Ю.

CITATION:

Тугушева, Л. Ю.. Кыпчаки - кто они?. 京都大学言語学研究 2004, 23: 1-15

ISSUE DATE:

2004-12-24

URL:

<https://doi.org/10.14989/87847>

RIGHT:

Кыпчаки - кто они?

Л.Ю. Тугушева

На первый взгляд значение термина *кыпчак* представляется ясным и не требующим каких-либо дополнительных уточнений. Этот термин употребляется в разных значениях: в историческом контексте он выступает в качестве названия народа, как термин лингвистический обозначает группу тюркских языков, наделенных определенными языковыми признаками. В данной статье мы не будем касаться второго значения этого слова, которое достаточно четко определено терминологически. Мы обратимся к вопросу о содержании этого слова как этнонима.

При том, что немалое число разных народов являются носителями языков, называемых *кыпчакскими*, сам термин *кыпчак* в настоящее время служит обозначением лишь одного из незначительных родов Среднего жуза в Казахстане. По данным средневековых письменных источников устанавливается, что некогда владения народа; обозначаемого этнонимом *кыпчак*, простирались от Волги до Иртыша и от Южной Сибири до Аму-Дарьи¹. Столь значительное расхождение в содержании термина в разные периоды не могло не коррелировать с реальными условиями, в которых происходило расширение и сужение его значения. Соответственно, особенности реального развития значения термина в этом случае в некоторой мере могут пролить свет на конкретные условия, в которых происходили и которыми были обусловлены эти изменения. Попытаемся рассмотреть эти особенности в свете данных письменных источников в хронологическом порядке.

В наиболее древних из известных ныне тюркских письменных памятниках - орхонских рунических текстах, в которых в том или ином контексте встречаются названия всех основных племен и народностей, составлявших ядро Тюркского каганата, не упоминаются кыпчаки². Этот факт несомненно заслуживает внимания как свидетельство того, что в центральных областях каганата, на Хангае и прилегающих к нему районах, не был представлен народ, обозначаемый этнонимом *кыпчак*.

¹ В.Г. Тизенгаузен. Извлечения из сочинений арабских. СПб, 1884, т. 1, сс. 235, 378, 459.

² См.: Л.Ю. Тугушева. Об интерпретации некоторых данных орхонских рунических текстов.

- Annals of Foreign Studies. Vol. XXXI. Kobe City University of Foreign Studies, 1994, p. 1-9.

Кыпчаки и йемеки

Одно из наиболее ранних упоминаний названия *кыпчак* встречается в сочинении арабского географа персидского происхождения Ибн Хурдāдбиха “Китаб ал-масалик ва-л-мамалик” (“Книга путей и государств”), составленном в 1-ой половине IX в.³ Хурдāдбих приводит этот этноним в форме *xifṣah* (خِفْشَاغ) среди десяти других наименований основных тюркских племен, составлявших отдельные государственные образования. Таковыми по его словам являются: токузогузы, кимаки, огузы, чигили, печенеги, тюргеши, аскиши, кыпчаки, кыргызы, карлуки, халаджи⁴. В сочинении Ибн ал-Фақи́ха “Ахбār ал-булдāн” (“Сведения о странах”), относящемся к началу X в., в части, касающейся тюркских племен, почти дословно воспроизводится текст Хурдāдбиха: “Области тюрков - это токузогузы (их область самая большая среди тюркских, она граничит с Китаем и Тибетом), карлуки, кимаки, огузы, чигили, печенеги, тюргеши, аскиши, кыпчаки, кыргызы, (у которых есть мускус)”⁵. Подобные соответствия, замеченные также в сочинениях Ибн Русте, Гардизи и др. послужили основанием для предположения, что они восходят к одному и тому же источнику, каковым могло быть сочинение Хурдāдбиха⁶ и, возможно, в некоторой степени - Тамйима ибн Бахра ал-Муттави’и, посетившего ставку хакана токузогузов в конце VIII в. и оставившего описание своего путешествия, которое частично воспроизведено в мешхедской рукописи сочинения Ибн ал-Фақи́ха⁷.

Порядок, принятый Хурдāдбихом при перечислении тюркских областей, как можно судить об этом по данным других источников того же периода, является довольно произвольным, но тем не менее определенная последовательность в их расположении по отношению друг к другу в некоторых случаях прослеживается. Так, например, кыргызы, карлуки и халаджи перечислены в направлении “север - юг” в соответствии с их реальным расселением, о чем можно судить по некоторым сведениям о них, представленным уже в тексте самого Хурдāдбиха. О халаджах, к примеру, он сообщает, что они живут “по эту сторону реки”⁸, то есть в областях к югу от Аму-Дарьи, что вполне соответствует традиционно занимаемым ими областям; карлуки же, как известно, населяли области севернее Аму-Дарьи, кыргызы - территории к северу от основной гряды Тяньшанских гор, что также нашло отражение в перечне Хурдāдбиха наряду с другими подобного рода соответствиями.

“Китаб ал-булдāн” (“Книга о странах”) ал-Я’қубй составлен в IX в. В этом сочинении ал-Я’қубй о тюрках пишет следующее: “Туркестан и тюрки делятся на

³ Abu’l-Kasim Obajdallah ibn Abdallah ibn Khordadbeh. Kitab al-Masalik wa’l-Mamalik. Ed. J. de Goeje. Bibliotheca Geographorum Arabicorum. P. VI, Lugundi-Batavorum, 1889, p. 22-23.

⁴ Там же, с. 22-23. (Названия племен и народов здесь и далее даны в восстановленной позднее форме).

⁵ Ibn al-Faqih. Akhbār al-buldān. Фотокопия мешхедской рукописи. ИВ РАН, ИФВ-202, лл. 168а-169б.

⁶ См. В.В. Бартольд. Сочинения, т. VIII, М, 1973, сс. 514, 535.

⁷ Ибн ал-Фақи́х, ук. соч., лл. 168а-169б.

⁸ Ибн Хордāдбех, ук. соч., изд. де Гье, с. 23.

несколько народностей и несколько государств таких как: карлуки, токузогузы, тюркешы, кимаки, огузы. Каждый из [этих] тюркских народов [имеет] отдельное государство”⁹. Как можно заметить, в сочинении ал-Я’күбй, составленном независимо от предшествующих авторов, среди образующих государства тюркских народов не названы кыпчаки.

Труд ал-Истахри относится к первой половине X в. О тюркских народах в нем сказано: “Что касается всех тюрков - токузогузов, кыргызов, кимаков, огузов и карлуков, то язык у них один и все они понимают друг друга”¹⁰. В его сочинении также не упоминаются кыпчаки. Абү Дулаф (X в.) говорит о кимаках, огузах, карлуках, чигилях, и обходит молчанием кыпчаков. Ал-Мас’удй (X в.) в числе тюркских народов называет кимаков, огузов, карлуков, барсханов, хазаров, токузогузов и не упоминает кыпчаков. Ничего не говорит о кыпчаках и ал-Мукаддаси в своем сочинении “Ахсан ат-такасим фй ма’рифат ал-ақалым” (“Лучшее деление для познания климатов”), составленном в конце X в. Но особенно примечательно то, что Ибн Фадлан, который совершил путешествие к булгарам в 921-922 гг. и прошел от Хорезма до Поволжья по пути, пролегавшей между Аральским и Каспийским морями, среди народов, через владения которых он проходил на этом пути, не называет кыпчаков¹¹. Среди сочинений, относящихся к концу X в., сведения о народах содержатся в произведении “Худуд ал-‘алам мин ал-машрик ила-л-магриб” (“Пределы мира от востока до запада”), принадлежащем перу неизвестного автора. Среди 45 областей (территорий), обозначенных в этом сочинении, представлены также области, занимаемые тюркскими народами, к числу которых автор сочинения относит печенегов, бургасов (берадесов), огузов, кимаков, чигилей, тухси, карлуков, ягма, токузогузов, кыргызов и кыпчаков. О кыпчаках он сообщает, что “они отделились от кимаков” и “на юге соседствуют с печенегами”¹². Но как замечено В.В. Бартольд, “Худуд ал-‘алам” может быть отнесен к числу сочинений, восходящих к труду Хурдбиха, хотя возможно, что в нем воспроизведены некоторые детали, отсутствующие в известном ныне сокращенном варианте сочинения Хурдбиха¹³. В составленном в начале XI в. сочинении Гардизи “Зайн ал-ахбар” (“Украшение известий”), автор определяет кыпчаков как “одно из семи племен кимаков”, к числу которых кроме кыпчаков он относит племена Ими, Имек, Татар, Баяндур, Ланиказ?, Аджлад?¹⁴. Гардизи, как установлено, во многом основывался на текстах своих предшественников¹⁵. По его словам кыпчаки являлись

⁹ Kitāb al-boldan. Auctore Ahmed ibn Abi Jakub ibn Wadih al-Katip al-Jakubi. - Bibliotheca Geographorum Arabicorum. P. VII, Lugundi Batavorum, 1892, p. 295.

¹⁰ Ал-Истахри. Ал-масалик ва-л-мамалик”. Каир, 1961, с. 18.

¹¹ А.П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956, с. 121-131.

¹² См. В.В. Бартольд. Сочинения, т. VIII, с. 534.

¹³ Там же, с. 535.

¹⁴ Там же, с. 43.

¹⁵ Там же, с. 25.

восточными соседями печенегов, владения которых граничили на юго-западе с хазарами, на западе - со славянами¹⁶.

Среди сочинений, относящихся к XII в., сведения о тюркских народах содержатся в трудах ал-Идриси (Нузхат ал-муштак фй-хтирак ал-афак "Развлечение истомленного в странствии по областям", 1154 г.) и ал-Гарнати (Тухфат ал-албаб ва нухбат ал а'джаб "Подарок умам и выборка из чудес", 1155 г.). По данным ал-Идриси область расселения кыпчаков (*Билад хифшайх*) могла находиться "в междуречье Иртыша и Тобола"¹⁷. В сочинении Гарнати кыпчаки не упоминаются, но известно, что во время своих многолетних странствий, Гарнати не посещал степные районы Центрального Казахстана¹⁸.

На основе приведенных данных можно заключить, что вплоть до X в. народ, называемый кыпчаками, соотносится с территориями, относящимися к степным районам Центрального Казахстана и ассоциируется главным образом с племенем, отделившимся в свое время от *йемеков*.

Среди арабоязычных произведений XI в., касающихся народов Центральной Азии, особое место занимает труд Махмуда Қашғарі "Диван лугат ат-тюрк" ("Свод слов тюркского языка"), в котором представлены подробные сведения о тюркских народах, об их составе, расселении и многих других сторонах их жизни. В соответствии с установками своего времени Махмуд Қашғарі к числу тюркских народов относит народы, некогда входившие в состав Тюркского каганата, независимо от того, говорили они на тюркском языке или нет. Соответственно, в их состав он включает такие народы, как: *tatar, xitay, tangut, tavghač* и др., и поясняет, что "каждый из этой группы имеет свой собственный язык, но они также хорошо знают тюркский" (МК 25). Кыпчаков (в его воспроизведении - *qifčaq*) он относит к числу народов, говорящих на одном, "чистом тюркском языке" (МК 25). Язык же народа *йемек* (*yemek*) по его словам лишь "приближается" к языку, определяемому как "чистый тюркский язык" (МК 25). Махмуд Қашғарі сообщает, что народы он перечисляет в порядке их расселения с запада на восток, начиная от границ Рума (Византии). Первыми в его перечне названы печенеги, вторыми - кыпчаки, за ними следуют огузы. По его карте можно видеть, что кыпчаки расселены по обе стороны от Волги, как к западу от нее, так и к востоку, но основная территория их расселения находится к востоку от Каспийского моря по соседству со Страной огузов (*Ghuzziya*).

В сведениях Махмуда Қашғарі обращает на себя внимание то, что в отличие от авторов сочинений, составленных в более раннее время, он не рассматривает кыпчаков как одно из племен, отделившихся от *йемеков*. Он говорит о *йемеках*: "Они рассматриваются нами как кыпчаки, но тюрки-кыпчаки относят себя к другой группе" (МК 456). Из этого можно заключить, что во времена Махмуда Қашғарі отношение к

¹⁶ Там же, с. 56.

¹⁷ Б.Е. Кумеков. Арабские и персидские источники по истории кыпчаков VIII-XIV вв. Алма-Ата, 1987, с. 15.

¹⁸ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати. Перевод с арабского, вступительная статья и примечания О.Г. Большакова. М, 1971.

связи между этими двумя народами стало принципиально иным и само существование связи между ними уже не воспринимается как нечто бесспорное. Касаясь вопроса о языке кыпчаков, как уже было сказано выше, Махмуд Кашгари характеризует его как “чистый тюркский язык” наряду с языками кыргызов, огузов, тухси, ягма, чигилей, ограков, чаруков (МК 25). Но особо примечательно в его сообщении то, что, рассматривая отличительные особенности разных тюркских языков, он нередко сближает кыпчакский язык с огузским. Он пишет: “огузы и кыпчаки всякое уā в начале слова - имени или глагола, изменяют на *alif* или *jim*. Например, о страннике тюрки говорят *yelgin*, они [же] говорят *elgin*; тюрки называют теплую воду *yiligh suv*, они говорят *iligh* с алифом; и также тюрки называют жемчуг *uñcū*, в соответствии с их [нормой будет] *jñcū*; о верблюжьей длинной шерсти тюрки говорят *yoghdu*, по их [норме будет] *joghdu*; огузы, кыпчаки и сувары всякое начальное *mim* изменяют на *bā*, например, тюрки говорят *mān bardim*, в этой же группе говорят *bān bardum*” (МК 26) и т. п. Данные Махмуда Кашгари со всей очевидностью указывают на то, что в XI в. этническая ситуация в степи кардинально изменилась и прежнее соотношение народов “йемек < кыпчак” навсегда отошло в прошлое. Кыпчаки в XI в. уже не только не признают себя одним из племен йемеков, но само представление об их бывшей связи с ними, как уже было сказано выше, к этому времени утратило определенность. Это изменение ситуации находит отражение в появлении в этот период названия *Деиш-и кыпчак* “Кыпчакская степь”, впервые зафиксированного в произведениях персидского поэта Насир-и Хусрау в XI в.¹⁹, вместо принятого ранее *Мафазат ал-гузз* “Огузская степь”.

Тот факт, что этноним *кимак*, встречающийся в средневековых арабских сочинениях, является одним из вариантов этнонима *йемек* в настоящее время не подвергается сомнению. Существуют разные точки зрения об их происхождении; согласно одной из них вариант *йемек* явился результатом опущения начального *к*. Эта точка зрения основывалась на предположении, что в тюркских языках был возможен звуковой переход *q-, k- > 0*²⁰. В подтверждение этой точки зрения приводилось некоторое число слов из разных (старых и новых) тюркских языков, представленных в двух вариантах: с начальным смычным согласным *q-, k-* и без такового. Эти слова следующие:

- qarbuzz* - *arbuzz* “арбуз”
- qapsa* - *apsa* “ларь, ящик”
- qurtqa* - *urutqa* “старая женщина”
- qonghuz* - *onghuz* “жук”
- kögürčin* - *ögürčin* “голубь”
- köbelek* - *öbelek* “бабочка”

¹⁹ В.В. Бартольд. Сочинения, т. V, М, 1968, с. 401.

²⁰ См. об этом: Т. Halaši Kun. Orta kipçakça q-, k- ~ 0 meselesi. - *Türk dili ve tarihi hakkında araştırmalar* I. *Türk tarih kurumu yayımlarından* VII, seri 20, Ankara, 1950, 45-61 s.; Н. Eren. Kimek ve imek adları hakkında. - *Türk dili* 45, cilt IV, Ankara, 1955, 541-543 s.

kömlüdrük - ömlüdrük “нагрудный ремень в конской сбруе”

kimak - yemek этноним

В связи с данным предположением получило также распространение мнение, что переход $q-, k- > 0$ представлял собой двухэтапный процесс, при котором на первом этапе происходила спирализация согласного и затем, на втором этапе, его полная утрата, что можно было представить в виде схемы: $q-, k- > x > 0$. Наиболее обстоятельно возможность подобного пути перехода рассмотрена в упомянутой работе Т. Халаши Куна. В результате своих наблюдений он приходит к выводу: “Что касается тюрки и огузских наречий, то мы весьма редко наблюдаем в них появление $x-$ вместо $q-$. Кыпчакские наречия в отношении этих звуков еще более консервативны, чем эти два наречия, и в них как $q-$, так и $k-$ сохраняются” ... “Объяснить переход $q-, k- > 0$ в среднекыпчакском языке, также как и в новых кыпчакских языках, через посредство $x-$ невозможно”²¹. О единственной лексеме из приведенного перечня, которая представлена в казахском языке без начального согласного в форме ömlüdrük, необходимо отметить то, что эта лексема не вписывается в данный перечень по той причине, что она изначально, по происхождению имеет вокальное начало. Слово ömlüdrük происходит из имени öm, представленной в древних тюркских языках в значении “верхняя часть груди” и зафиксированной в наиболее ранних тюркских письменных памятниках. От этой основы, в частности, образовано встречающееся в раннесредневековых восточнотуркестанских текстах слово ömgän “верхняя часть груди”: ol ödün ol ač bars qačan bodistvniing ömgänintin qan aqmışın körti ... “И тогда, когда голодная тигрица увидела, что из груди бодхисаттвы течет кровь ...” (Altun yaruq 618, 9-11). Соответственно, в данном случае речь не может идти об утрате согласного в начале слова. Производное от основы öm слово ömlüdrük (öm + ül + d(ü)r + ük) по морфологическому составу может быть переведено как “нагрудник”.

Приведенные данные позволяют заключить, что в кыпчакских языках в том регионе, где было расположено государство йемеков, переход $q-, k- > 0$ не был возможен в силу того, что там не имел места лингвистический процесс подобного рода. Отсюда вытекает, что этноним йемек не мог явиться результатом фонетического развития названия кимак//кимек. Появление разных вариантов этнонима, в данном случае, очевидно, было обусловлено иными причинами. Более приемлемой представляется точка зрения, в соответствии с которой в подобном изменении формы слова могла сыграть роль ошибка переписчика, которая последовательно воспроизводилась в дальнейшем ввиду “экзотичности” и неузнаваемости этого этнонима для большей части ближневосточных переписчиков - явление нередко встречающееся в рукописных произведениях рассматриваемого периода. Полагаясь на высокую степень достоверности сведений Махмуда Кашгари, мы отдаем предпочтение варианту йемек.

²¹ Т. Halaši Kun, ук. соч., с. 54.

Йемеки и огузы

Как было сказано выше, кыпчаки, отделившись от йемеков, ушли на запад. Базовая территория йемеков, как установлено, располагалась в Прииртышье, на расстоянии “80 дней пути для всадника, едущего быстро” на север от местности, называемой Кавакет, находившейся в 7 фарсах от Тараза²² (совр. Джамбул). Двигаясь на запад от р. Иртыш, кыпчаки не могли прийти в иное место кроме сухих степей Центрального Казахстана и Казахского мелкосопочника. Этот факт уместно сопоставить с другим фактом, касающемся передвижения огузских племен. В упомянутом выше сочинении Ибн ал-Факиха (X в.), содержится легенда, в которой говорится о том, что дед некоего огузского принца вступил в противоречие со своим отцом, отделился от него и вместе со своими приближенными “отправился на восток от своей страны”²³. Согласно запискам Ибн Фадлана, подробно описавшего свой маршрут, покинув Джурджанию (совр. Куня-Ургенч), он и его спутники прибыли в населенный пункт Замджан, находившийся у подъема на плато Устюрт, который Ибн Фадлан называет “воротами [в страну] тюрок”²⁴. Проехав отсюда еще 15 суток и преодолев гору, они прибыли в одно из кочевий огузов²⁵. Гора, упоминаемая в этом случае, отождествляется с горой Чинк²⁶ (отроги Мугоджарских гор). Путь на восток от этого пункта ведет в степи Центрального Казахстана. С этой точки зрения представляется вполне правдоподобной приводимая в упомянутой выше легенде деталь, что предок огузского принца, проследовав на восток, достиг страны, где “солнце, поднимавшееся из-за горы, сжигало все живое своими палящими лучами”²⁷, в некоторой мере подтверждающая вывод о том, что в этой легенде, несмотря на фантастический сюжет и сказочное оформление, “нашли свое легендарное преломление конкретные события”²⁸. Продвигаясь на восток от указанных мест расположения огузских кочевий, отделившиеся огузские группы могли прийти в те же степи, в которые пришли выдвинувшиеся на запад из страны йемеков кыпчаки, и неизбежно должны были прийти в соприкосновение с ними. Напомним, что кыпчаков в тот период определяли как “одно из племен кимаков”. Источники сообщают о теснейшем взаимодействии огузских и “кимаковских” племен в эти периоды. В “Худуд ал-’алам” говорится о “мирных сношениях и военных столкновениях кимаков с гузами”²⁹, Мас’уди сообщает о том, что “[на расстоянии] около десяти дней пути [друг от друга]... расположены зимние и летние кочевья кимаков и гузов”³⁰.

²² Ibn al-Fakih, ук. соч., л. 170б; Б.Е. Кумеков. Государство кимаков IX-XI по арабским источникам. Алма-Ата, 1972, с. 49.

²³ См. С.Г. Агаджанов. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. Ашхабад, 1969, сс. 122-123.

²⁴ А.П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана, с. 125.

²⁵ Там же, с. 125.

²⁶ Там же, с. 181, прим. 165.

²⁷ С.Г. Агаджанов. Очерки истории огузов, с. 123; Ibn al-Fakih. Kitab axbar al-buldan, л. 171.

²⁸ С.Г. Агаджанов. Очерки истории огузов, с. 123.

²⁹ В.В. Бартольд. Сочинения, т. VIII, с. 535.

³⁰ Maçoudi. Le Livre de L'avertissement et de la révision. Trad. par B. Carra de Vaux. Paris, 1897, pp. 101, 102.

Кангары и тюргеши

В тексте надписи на памятнике в честь тюркского военачальника Кюль-тегина (первая половина VIII в.) сообщается о том, что, покорив кыргызов и преодолев хребет Алтун (совр. Алтай), он переправился с войском через реку Иртыш и сразился с тюргешским каганом. Одержав победу в этом сражении, покоренных каратюргешов он поселил на Табаре(?). Но вскоре каратюргеши вновь проявили непокорность, восстали и, потерпев поражение, отошли к кенгересам³¹. Согласно данным письменных источников кенгересы (кангары) в этот период занимали территории в низовьях Сыр-Дарьи и в приаральских степях³² и, соответственно, переместившиеся каратюргеши должны были прийти в приаральские степи.

После падения Западнотюркского каганата в регионе, подконтрольном каганату, произошли заметные изменения. Огузы, в ходе борьбы с карлуками, были вынуждены покинуть места своего прежнего обитания и продвинулись на запад в приаральские степи, где столкнулись с кангарами (печенегами). Во второй половине VIII в., объединившись с некоторыми племенами карлуков и йемеков, они выступили против печенего-кангарских племен и потеснили их на запад³³. Но как пишет Константин Багрянородный: "В то время, когда печенеги были выгнаны из своей земли, некоторые из них пожелали там остаться, поселились с так называемыми узми и до сих пор находятся среди них"³⁴. Оставаясь в прежних местах своего обитания, "остатки печенегов ... с течением времени ассимилировались с саларами и с другими огузскими племенами"³⁵. Сохранились также сведения о том, что после крушения Уйгурского каганата в 840 г. в область присырдарьинских степей переместились некоторые из токузогузских (уйгурских) племен³⁶. Приведенные данные, на первый взгляд представляются единичными и разрозненными, но, собранные вместе, они позволяют заключить, что в VIII-X вв. степи Центрального Казахстана являлись ареной столкновения многих групп племен, главными среди которых были: кангары (печенеги), йемеки, тюргеши, токузогузы, карлуки, огузы. Некоторые из этих племен были вытеснены из мест своего прежнего обитания под давлением с востока и в дальнейшем продолжили движение на запад, но многие остались на этой территории, ассимилировались и к XI в., как об этом свидетельствуют источники, сложились в единую, достаточно монолитную и "многочисленную"³⁷ народность, ставшую известной под названием *кыпчаки*. В XI в. они уже были способны влиять на политическую ситуацию не только в своем регионе, но и в округе. Известно, что исход борьбы между

³¹ Памятник в честь Кюль-тегина, восточная сторона, стк. 36-39.

³² См. Louis Ligeti. A propos du "Rapport sur les rois demeurant dans le Nord". - Etudes Tibétaines dédiées a la mémoire de Marcelle Lalou. Paris, 1971, pp. 170, 172, 175, 176.

³³ Там же, с. 129.

³⁴ Сочинения Константина Багрянородного "О фемах" и "О народах". Предисловие Г. Ласкина. М, 1899, с. 141.

³⁵ С.Г. Агаджанов. Очерки истории огузов и туркмен, с. 131.

³⁶ Maçoudi. Les Prairies d'or. Text et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. T. I, Paris, 1861, p. 213.

³⁷ В.В. Бартольд. Сочинения, т. V, с. 549.

огузскими и сельджукскими племенами за господство в Хорезме решился в пользу последних благодаря вмешательству кыпчаков, нанесших решающий удар огузам в их противоборстве с сельджуками в 50-х годах XI в.³⁸, Махмуд Кашгарй на своей карте уже помещает земли кыпчаков как на востоке, так и на западе от реки *Атиль* (Волги).

Эти и многие другие примеры подобного рода указывают на усиление влияния кыпчаков в окружающих регионах. Но заметим попутно, что в свете данных первоисточников невозможно не согласиться с высказанным в свое время сомнением относительно достоверности сообщения Ибн ал-Асира о появлении на Кавказе в 1-ой половине VIII в. кыпчаков, якобы нанесших поражение арабскому военачальнику Ма'лаку бин Саффáру ал-Бахрâни³⁹. В пользу того, что название *кыпчак* в данном случае является анахронизмом говорят его первичные семантические характеристики, определявшие, как это будет показано ниже, ареал его распространения в рассматриваемый период.

В связи со сказанным встает вопрос о том, что послужило причиной распространения на столь обширное полиэтническое объединение названия одного из незначительных родов, каковыми являлись кыпчаки в момент первых упоминаний о них в литературе. Не заключены ли возможности столь расширительного употребления термина в самой его семантике?

Среди многочисленных легенд о происхождении тюркских народов встречается также легенда о происхождении кыпчаков. Она зафиксирована в трудах Рашид ад-дина и в сочинении Абу-л-гази хана хивинского о родословной туркмен. В "Родословной туркмен" говорится о том, что прародительница рода *кыпчак* родила основателя рода, укрывшись в дупле дерева, и отсюда происходит название этого рода, имеющего значение "дупло"⁴⁰. На этой основе предпринимались попытки соотнести термин *кыпчак* с понятием "дупло". Но подобная этимология не находит подтверждения в материалах тюркских языков. Многие говорят о том, что в данном случае имеет место типичный образец народной этимологии, широко распространенной в сочинениях средневековых авторов, в особенности когда речь идет о разного рода названиях. Так, например, этноним *халадж* трактуется Рашид ад-дином как сочетание двух глагольных основ в форме императива: *kal* аъ "останься и открой"⁴¹, тюркское звание *tutuq* в труде Гардизи интерпретируется как "хватать за косу (заплетенные волосы)"⁴², топоним *barsxan* трактуется как "повелитель фарсов"⁴³, название реки Иртыш как *er tiş* "человек, сойди!"⁴⁴ и т. п. Подобные этимологии, естественно, не имеют ничего общего с истинным происхождением указанных названий и терминов так же, как и термин *кыпчак*, по всей видимости, не имеет отношения к понятию "дупло". Судя по некоторым деталям, этимология слова *кыпчак*, представленная в средневековых сочинениях,

³⁸ С.Г. Агаджанов. Очерки истории огузов и туркмен, с. 214-215.

³⁹ Имя арабского военачальника здесь дано на основе устной консультации А.Б. Халидова.

⁴⁰ А.Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази хана хивинского. М.-Л, 1958. с. 43; Рашид ад-дин. Т. I, М.-Л, 1946, с. 76.

⁴¹ В.В. Бартольд. Сочинения, т. V, с. 89.

⁴² В.В. Бартольд. Сочинения, т. VIII, с. 44.

⁴³ Там же, с. 51.

⁴⁴ Там же, с. 43.

является данью традиции, восходящей к легенде о происхождении тюрков, в соответствии с которой предков тюрков волчица-мать некогда вывела из пещеры⁴⁵. Сюжет о выходе предка народа из пещеры или иного полого пространства впоследствии воспроизводился в отношении тюркских народов во многих вариантах.

В собственно лингвистическом отношении термин *кыпчак* является образованием достаточно прозрачным по структуре. Он состоит из односложной основы *qır-(qif-)* и сложного аффикса *-şaq* (с фонетическими вариантами *-şiq, -şuq; -şaq, -şiq*), образующего отлагательные прилагательные со значением “склонный к чему-либо”⁴⁶. Прилагательные, образованные с помощью этого аффикса, встречаются как в древних, так и в современных тюркских языках: *erінşek* “ленивый” (ногайск.), *maqтанşaq* “хвастливый, хвастун” (казахск.), *qızghanşaq* “завистливый” (казахск.), *basınşaq* “подавленный, угнетенный” (древнетюркск.) и др. Словоформы, образованные с помощью этого аффикса от основ имен с субстантивным значением, приобретают значение “предмет, имеющий определенное (постоянное) назначение”: *monşaq* (> *moynşaq*) “бусы, ожерелье”; *oynınşiq* “игрушка (предмет, предназначенный для игры)”; *menşik* “собственность” и др.

Основа *qır-* (~*qiv-, qif-*) как самостоятельная лексическая единица в современных тюркских языках не употребляется⁴⁷, но в форме *qırşaq (qifşaq, qivşaq)* встречается как в древних, так и современных тюркских языках. Эта словоформа в тюркских письменных произведениях впервые появляется в XI в. В “Диване” Махмуда Кашгари это слово представлено в значении этнонима и названия местности (МК 239); в сочинении Юсуфа Баласагуни *Qutadghu bilig* - в общеязыковом значении “униженный, жалкий, неудачливый”: *bu yalnguz yorighlı kişi qivşaqi kişikä tusulmaz bolur* “такой, одиноко блуждающий, жалкий человек не приносит пользы людям” (QBN 250, 6). В современном хакасском языке слово с подобным звучанием имеет значение “сердитый, вспыльчивый человек”⁴⁸. Можно предполагать, что указанные общеязыковые значения слова являются вторичными, развившимися позднее, свидетельством чему в некоторой мере служат заметные расхождения в значении слова в разных языках. О первичном значении слова *qırşaq* может дать некоторое представление его употребление в связанном словосочетании *qırşaq qobı*, имеющем значение “пустой; пустынный; никчемный”, ввиду того, что, как известно, связанные словосочетания нередко сохраняют более древнюю семантику входящих в их состав компонентов. В.В.Радлов в “Опыте словаря тюркских наречий” относительно слова *кыпчак* дает следующее пояснение: “Значение этого слова неясно: оно употребляется

⁴⁵ Н.Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1, М.-Л, 1950, с. 229.

⁴⁶ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М, 1988, с. 465.

⁴⁷ Эту основу не следует смешивать с употребительным в раннесредневековых тюркских текстах словом *qiv*, чаще встречающимся в сочетании с *qut* (*qut qiv*) в значении “удача, счастье, благоденствие”: *şraystriş tngri yiri qutı qivı aşılar* “возрастет благоденствие божественной страны *Träystrimşäh*” (§).

Tekin. Uyğurca Metinler II. Maytrisimit. Ankara, 1976, s. 163, 89, 35-37).

⁴⁸ В.В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. II, СПб, 1899, с. 843.

всегда вместе с прилагательным *кобы* 'пустой, пустынный' и имеет вероятно одинаковое с ним значение⁴⁹. Как известно, в соответствии с правилами образования парных слов, их компонентами чаще выступают синонимические слова⁵⁰. Поэтому мы вслед за В.В. Радловым вправе допускать, что в паре *qırcaq qobı* компоненты имеют некие общие семантические признаки. Подтверждением тому может служить один из примеров употребления слова *qobı* в руническом тексте из Восточного Туркестана: *üküş atlıgh ögrünçüng yuq qobı atlıgh qorqınçing yuq* "у тебя нет радости от [обладания] многими конями, у тебя нет страха из-за никчемных (негодных) коней"⁵¹, где слово *qobı* выступает в значении "пустой, никчемный". В том же самом значении сочетание *qırcaq qobı* употребляется в *Qutadghu bilig* Юсуфа Баласагуни: *yalavaç yavuz bolsa qıvcaq qovı siziksiz tökär anda beglär suvı* "если посол окажется дурным и пустым (никчемным) (*парн.*), то без сомнения он уронит (*букв.* прольет) авторитет беков" (QVK 146, 11); *bu qıvcaq qovı dünya keçgü azhun* "этот суетный (пустой) (*парн.*) мир - преходящий мир" (QVN 145, 9). На основе вышеприведенных данных в семантическом составе сочетания *qırcaq qobı* можно выделить следующие элементы: 1) пустой, пустынный; 2) никчемный (бесполезный). Подобную же семантическую структуру (соответствующее развитие значения: сухой>пустынный>бесплодный) имеет слово *куу* в киргизском языке⁵². Независимо от того, существует ли какая-либо этимологическая связь между основами *кып*, *кобы*, *куу*, данное соответствие подтверждает возможность подобного развития значения лексемы, имеющей первичное значение "сухой, пустынный". Вместе с тем следует отметить, что ни одно из этих слов не содержит семантического элемента "полюй".

Мы не будем здесь рассматривать разные попытки этимологизации термина *кыпчак*; такого рода попытки предпринимались неоднократно⁵³; в наши задачи это не входит. Но выше сказанное позволяет сделать некоторые выводы о семантических признаках данного термина. Прежде всего необходимо отметить, что семантика слова *кыпчак* не укладывается в рамки указанных двух типов образований с аффиксом *-caq* [1] от глагольных основ - *maqtañcaq*; 2) от именных основ - *topñcaq*; по семантическим показателям это слово не может быть отнесено ни к одному из них. Существует еще один, редко встречающийся тип образований с помощью аффикса *-caq*, *-ciq*. В сочетании с именными основами, содержащими семантический признак "характер местности; характеристика местности", этот формант образует имена со значением "характеризующийся пребыванием (нахождением) в местности определенного типа": *qumarñiq* "дикорастущее злаковое растение, произрастающее на барханах" от *qum* "песок, песчаная местность" (казахск.); *alıcaq* (> *alıñcaq*) "находящийся вдали" от *alıñ*

⁴⁹ Там же, с. 843.

⁵⁰ См. Н.К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М - Л, 1948, с. 74-75.

⁵¹ V. Thomsen. Dr. Stein's Manuscripts in Turkish "Runic" Script from Miran and Tun-huang. - The Journal of the Royal Asiatic Society. London, 1912, II, 54.

⁵² См. К.К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М. 1965, с. 454.

⁵³ См. А. Эбдірахманов. Топонимика және этимология. Алматы, 1975, с. 126-128.

“далекий, дальний” (казахск.) и др. То, что основа слова *кыпчак* имеет общезыковое значение “сухой, пустынный”, как это было показано выше, может служить основанием для того, чтобы отнести его к этому последнему типу образований. Отступившие в сухие, “выжженные зноем”, как сказано в легенде, степи Центрального Казахстана племена, состоящие из разных этнических групп, могли получить название по характеру местности, в которой они стали обитать. В казахском языке встречаются такого рода примеры. В западных районах Казахстана вплоть до середины XX в. было употребительно слово, которым обозначались жители районов, вплотную прилегающих к прикаспийской зоне пустынь, где барханы перемежаются с участками степи, пригодными для выпаса овец. Жители этих районов, главным образом пастухи, на местном говоре назывались *qımsıq* “житель песков” – термином, не лишенным некоторой пренебрежительной коннотации. В основу этого названия, построенного по той же модели, что и слово *кыпчак*, как можно заметить, положена характеристика местности, в которой они пребывали. В соответствии с указанными правилами слово *кыпчак* должно быть расшифровано как “житель сухих степей”.

В свете сказанного заслуживает внимания одно наблюдение, касающееся употребления термина *кыпчак* в сочинениях арабских географов. Замечено, что термин *кыпчак*, в отличие от других этнических названий, арабские авторы употребляли без определенного артикля⁵⁴. Данный факт служит явным свидетельством противопоставленности этого названия другим этнонимам. Можно предполагать, что в основе этого противопоставления лежит знание авторами арабских сочинений того факта, что термин *кыпчак* не являлся этнонимом в собственном смысле этого слова, а прозвищем, возникшим в результате общности условий существования данного полиэтнического в своей основе социума. В глазах окружающих народов их объединяло сходство внешних, природных условий существования и обусловленного ими преимущественно кочевого образа жизни. С их точки зрения все они являлись “жителями сухой степи”. Сложившаяся в степи ситуация в конечном счете привела к тому, что под названием изначально небольшого племени возник “многочисленный” народ, который в XI в. уже предстает как единое этнополитическое образование, ставшее внушительной и активной силой, влиявшей на ход событий не только в Средней Азии, но и на Ближнем Востоке.

Данные письменных источников, таким образом, позволяют говорить о том, что этноним *кыпчак* стал известен и вошел в оборот после того, как к концу первого тысячелетия на территории современного Центрального Казахстана на основе переместившихся туда разных племенных групп сложился единый социум с определенным укладом жизни, который стал восприниматься в качестве такового окружающими народами и получил единое этническое наименование *кыпчак*. В пользу подобного развития событий говорит, в частности, тот факт, что в течение сравнительно небольшого периода времени, отделившееся от йемеков небольшое племя превратилось в многочисленный народ, который в своем новом качестве стал выдвигаться и проникать не только в соседние, но и отдаленные от мест своего первоначального

⁵⁴ В.В.Бартольд. Сочинения. Т. V, с. 401.

обитания области, как например, в окрестности Кашгара в Восточном Туркестане⁵⁵ и до пределов Арабского халифата, сохраняя при этом вновь обретенный этноним.

Вместе с тем нельзя исключать того, что термин *qırcaq* мог появиться в более раннее время. В китайских хрониках имеются сведения о том, что группа хуннских племен, кочевавших у северных и северо-западных границ Китая в V в. под давлением иных этнических племен с востока переместилась частью через Восточный Туркестан в Тохаристан, частью - в южную и центральную Джунгарию, включая области к западу от озера Баркуль, куда они доходили и ранее⁵⁶.

Часть из них, постепенно перемещаясь оттуда на север, обосновалась на среднем Течении р. Иртыш. Среди пришедших в Джунгарию были так называемые чуйские племена хунну, в состав которых входили, наряду с другими, племена шато, чубань и чумугунь⁵⁷. Термин шато (кит. *sha-t'o*) в китайском языке имеет значение "народ (люди) (песчаной) пустыни"⁵⁸. Этот китайский термин мог быть калькой тюркского *qırcaq*, имеющего, как было показано выше, то же самое значение. Свое название племя шато могло получить, обитая в пустынных районах Джунгарии.

После образования в середине VI в. Тюркского каганата чуйские племена естественным образом вошли в состав каганата. В составе каганата вождям двух из шести чуйских племен - чумугунь и чубань - были вручены стрелы как знак особой привилегии. Китайское название чумугунь является транскрипцией тюркского этнонима *yemek*⁵⁹. С этой точки зрения было вполне легитимным то, что после распада Западнотюркского каганата в результате событий 630 г. во главе одного из образовавшихся на его основе княжеств встало племя йемек (чумугунь), вожди которого получили в свое время символ власти из рук тюркского кагана.

Одной из характерных особенностей Кыпчакского объединения, отмечаемой многими исследователями, являлось отсутствие в нем жесткого централизованного управления и подвижность границ занимаемой им территории, определявшихся относительной самостоятельностью его частей, представители которых могли принимать решения и совершать набеги на соседние области, не согласовывая свои действия с центральной властью, что в конечном счете не могло не отражаться на судьбе объединения в целом.

⁵⁵ В "Диване" Махмуда Кашгари, к примеру, слово *кыпчак* представлено не только в качестве этнонима, но и как название населенного пункта близ Кашгара (МК 239).

⁵⁶ E.Esin. *Islamiyetten önceki türk kültür tarihi*. Istanbul, 1978, 33 s; G.Schmitt. *Wo siedelten nachweislich türkische Stämme in ersten Jh. Vor bzw. Nach der Zeitenwende?* - *Acta Orientalia Hungaricae*, Budapest, 24, 1971, S.348, 352-56, 377.

⁵⁷ Л.Н. Гумилев. *Древние тюрки*. М., 1967, с. 214.

⁵⁸ V. Minorsky. *Tamim ibn Bahr's Journey to the Uyghur's*. - *Bulletin of the Oriental and African Studies*. London, 1948, XII, 2, p. 304.

⁵⁹ Л.Н. Гумилев. *Древние тюрки*, с. 502. Подтверждением возможности данного соответствия служит чередование у // с, щ в тюркских языках и допустимость появления в китайской форме термина типического для названий китайского окончания -ш. Ср. Модэ // Модунь - имя хуннского правителя.

Сокращения

МК - Maḥmūd al-Qāṣgharī. Divān lughāt at-türk

QVK - Qutadghu bilig (Каирская рукопись)

QBN - Qutadghu bilig (Наманганская рукопись)

キプチャクとは何者か - 名称の言語学的解釈から辿る

L. Ju. トゥグーシェワ

要旨

本論文では、民族名としての「キプチャク」という言葉の意味について述べている。

10 世紀のアラビア語文献には、キプチャクはイエメク部族の一部であったという記録が散見される。しかし 11 世紀以後、キプチャクがイエメクの一部であるという記録はなくなる。この頃から、キプチャクという言葉は中央アジアのある部族連合を指す言葉として用いられている。

ではなぜ一民族の名称が部族連合の名称として使用されるようになったのか。キプチャクという名称を言語学的に解釈すると次のような仮説がたてられる。

qipčaq という語は qip という語根と-čaq という接尾辞からなる。-čaq という接尾辞は「何か素質がある」という意味をもつ形容詞の接尾辞である。qip という語は単独で使用されることはなく、qipčaq という形でみられる。Qutadghu bilig に「哀れな、運の悪い」という意味がある。現代ハカス語には「怒りっぽい」という意味がある。しかしこのような意味は二次的なものであり、元来は qipčaq qobi という語結合の意味に近かったと考えられる。この語結合には 1) 砂漠の、無人の 2) 無益な という 2 つの意味がある。-čaq には「～のような所にあるもの」という意味もある。それを考えると、「乾いたステップに住んでいる」という意味になる。つまり、一民族の名称ではなく、ステップに住んでいる人々の集合的な名称であると解釈できる。この仮説は、キプチャクという語がアラビア語表記される際、他の民族の名称と異なり、定冠詞が使用されないことから支持される。

(受理日 2004 年 7 月 1 日 最終原稿受理日 2004 年 11 月 14 日)